

Игорь Шестков

В ПОДВАЛЕ

Написал в 2017 году рассказ «Мальчик, который был чайником». На одну четверть – ностальгический, на другую – грустно-иронический, на третью – мистический, и только на четвертую – эротический, клубничный. Рассказ этот – предыстория текста «Согнувшийся человек». Объяснение того, что заставило героя «согнуться». Одна из частей пазла, который я составляю последние годы.

Главный герой этого рассказа вспоминает неожиданный для него самого эпизод – плотскую любовь с девятилетним мальчиком Аллитой, сыном его подруги. Из текста не ясно, является ли это интимное событие реальным происшествием, фактом его жизни или оно – только фантазия маленького человека, сон, иллюзия. Кажется и сам герой не до конца уверен в том, что это действительно произошло. Хочет позвонить своей подруге, но не может вспомнить номер телефона, помнит ее адрес, но не помнит ее имени, бежит к ее дому, в отчаянии допрашивает ее соседку, даму с собачками, но так ничего и не узнает. В ужасе замечает, что у этой женщины – птичье лицо. Когда она, эта старая городская ворона, «тяжело взлетает», наступает прозрение – герой понимает, что он «не настоящий человек», а «персонаж

из прочитанных кем-то книг», что «город вокруг него не реален, что он только набор иллюстраций».

Происходит то, ради чего этот рассказ и написан – человек, ведомый по жизни своими страстями, теряет свое прошлое, теряет реальность, теряет себя. От него остается только что-то вроде оболочки, которая пытается жить дальше, «как будто ничего не произошло», «как будто она – человек».

И это мироощущение, мироощущение эмигранта – самое щемящее в этом рассказе-метафоре. Эротическая история тут – только розовая кремовая начинка словесного пирожного, не больше. Приманка. Также как и в «Лолите», ненавязчивой пародией на которую этот скромный текст и является.

...

Через некоторое время после публикации «Мальчика» на портале ПРОЗА.РУ моя заботливая американская сестра прислала мне по электронной почте письмо, в котором пугала меня полицией и арестом. «У нас тебя бы за такое посадили, а если бы не посадили, то оштрафовали бы, опозорили и сильно усложнили тебе жизнь», писала сестра, демонстрируя заботу о моей свободе, кошельке и достоинстве.

Я не верил, что писателя могут покарать за деяния, совершенные в художественном произведении его лирическим героем. Это все равно, что судить человека за его сны...

Мне казалось, что не только мои читатели, но и полицейские и следователи и юристы – все-таки не

клинические идиоты, путающие реальность литературы и обычную нашу повседневность и приписывающие автору все, что думают и делают его литературные герои. Посмеялся и обдал сестру презрением...

Как выяснилось – зря. Получил таки под дых из-за моего «Мальчика»...

Удар был нанесен не Америкой, а «щедрой и доброй» Россией, в которой якобы «запрещена цензура».

Не знаю кто... настучал на меня модераторам ПРОЗЫ.РУ – и они моего «Мальчика» у себя на сайте уничтожили. А потом – видимо для того, чтобы я не подумал, что жизнь не так уж плоха – выкинули еще дюжину моих рассказов, в которых присутствовали эротические сцены. Некоторые из этих рассказов висели на ПРОЗЕ.РУ к тому времени уже более десяти лет... были напечатаны на бумаге на двух языках, в книгах и периодике – и в Америке, и в Германии и даже в России. И ничего, никого кажется не сбили с пути истинного.

Обоснованием для уничтожения моих текстов послужила туманная фраза «Ваши тексты нарушают законодательство Российской Федерации». Пришлось полистать русское законодательство. Да, там есть запреты на детскую порнографию, на пропаганду гомосексуализма, на все вообще, что может как-то негативно повлиять на молодых людей.

Мой рассказ, однако, – ничего общего с порнографией не имеет. Гомосексуализм не пропагандирует. Ничего не пропагандирует, и никакого, ни дурного, ни хорошего влияния на юношество оказать не может. И уничтожили его на ПРОЗЕ только за то, что в нем затронута запрещенная тема. Табу.

Кстати, с этим самым влиянием литературы на ребенка вообще-то ничего не ясно. Тайна за семью печатями. Например, пушкинская «Гаврилиада» и поэма Лермонтова «Сашка» страшно возбуждали меня в детстве, но не развратили меня, а только рассмешили. А более менее кошерная (и ужасно скучная) «Анна Каренина» внушила мне стойкое отвращение к семейной жизни.

Похоже, модераторы ПРОЗЫ – удалили мои тексты, потворствуя чьему-то безумию. Своему или безумию каких-то начальников. Но это их дело.

...

Запрет моих рассказов – пробудил во мне желание отомстить за унижение.

Кому отомстить?

Модераторам ПРОЗЫ? Нет, конечно. Эти люди мне безразличны.

Неправде. И всем ее носителям, тем, кто пытается лицемерными ограничительными мерами представить мир не таким, каким он является на самом деле.

А как отомстить неправде? Проще простого – написать правду.

Правду о сегодняшней России я не знаю, хотя и догадываюсь о ней. Но жизнь в СССР я не забыл. Поэтому решил – назло всем ханжам и лицемерам – написать документальный рассказ исключительно про половые сношения взрослых мужчин с мальчиками. Нарушить табу и подоить священную корову. Погулять по дорожке, проторенной еще Марциалом и Петронием.

Разумеется, я не собираюсь обобщать и мазать всех одной краской. Расскажу только о двух событиях, очевидцем которых был сам.

*****

Жил я тогда в Москве, в университетском доме на Ломоносовском проспекте. Было мне восемь или девять лет.

Все мои знания об отношениях между полами я получил на улице. Никакой другой информации об этом, жгуче интересном для взрослеющего мальчика предмете, я не получил. Ни от родных, ни от школы.

Меня неодолимо тянуло к девочкам... а взрослые полногрудые женщины разжигали во мне такое пламя... которое не могли погасить ни ежедневные двухчасовые тренировки, ни нудные уроки в английской школе.

Я ничего не знал о романтической, нежной стороне половой жизни. О том, что предшествует совокуплению. Не знал даже о том, что физическая любовь приносит наслаждение. Понятия не имел о менструальном цикле, о климаксе.

Половые органы взрослой женщины видел только один раз – еще дошкольником. Мертвецки пьяная рабочая со школьной стройки валялась в лопухах метрах в ста от Дома преподавателей. Без штанов.

Грязные сапоги до колен. Полные короткие бедра – раздвинуты. Большие отвислые груди с пористыми сосками вылезли из-под расстегнутого ватника...

Мы, дети из окрестных дворов, подходили к ней и смотрели. И я смотрел. Было стыдно и жутко и сладко. Розовая кожа на лобке, поросшая темными волосами, зловещие красные пятна и бородавки в паху, уродливые срамные губы и жутких размеров красная дырка, в которую можно было всунуть ногу, похожая на пасть инопланетного чудовища – понимание в интимных делах мне не прибавили, зато посеяли в детской душе семена похотливой жестокости и цинизма.

Какой-то дерзкий мальчишка вставил лежащей во влагалище дымящуюся сигарету.

Всю свою жизнь я не мог забыть эту картинку... и она, против моей воли, накладывается на все воспоминания об интимных встречах с моими милыми женщинами.

...

В нашем дворе жили два моих одноклассника — Тема и Вася.

Тема был худенький и высокий, милостивый. С рыжеватым пушком на персиковом личике. Вася — пониже и пошире. Покрепче и поглубже. В его походке, разговоре и повадке то и дело проглядывал будущий сварливый, всем недовольный мужик лет пятидесяти.

Подбегает ко мне однажды Вася, запыхавшийся, красный и взволнованный. Орет: Айда в Красные дома, там дядьки деньги раздают.

— Откуда знаешь?

— Я с Темкой бегал у одного подъезда. В салочки играли. Там Чиж стеклянный шарик нашел. Офигеть, шарик. Всю Землю видно. Дядьки подошли, сказали: Хотите дадим вам по рублю? Пошли с нами в подвал. Темке рубль дали, он пошел. Я схитрил, сказал, меня мать ждет... а сам за тобой...

— А что если они Темку там... топором?

— Да не ссы ты! Топором...

— Может лучше в милицию позвонить?

— Ну нет, я мусорам звонить не буду. Себе дороже.

Мы побежали. В сердце у меня зажглись два огня – страх и любопытство. Страх был небесно-синий. Любопытство – белое.

Подбежали к тому подъезду. Без труда открыли тяжелую железную, покрытую местами облупившейся зеленой краской дверь.

В подвале меня поразили трубы отопительной системы... много труб... казалось, что мы попали в брюхо динозавра. А трубы, обитые изоляционным материалом, – это его кишки.

Помещение было небольшое и плохо освещенное... пахло паром, гнильем и кошачьими экскрементами. Мы осмотрелись, никого и ничего там не было. Кроме труб и подозрительно шевелившейся кучи вонючего тряпья в углу. Кошки?

Хотели домой идти, но Вася обнаружил еще одну дверь, поменьше первой, но толстую-претолстую. Она вела в помещение, похожее на бомбоубежище. На ощупь нашли выключатель. Зажглись несколько слабеньких зарешеченных лампочек...

Длинный коридор. Шесть или восемь дверей. В конце коридора – туалет. Рядом с которым, на стене, кто-то нарисовал углом непристойную сцену.

Пошли по коридору.

Осторожно открывали двери... одну за другой... заглядывали, заходили.

В одной комнате помочились на стену. В другой Вася нацарапал на стене гвоздем дурацкую надпись: Вася и Гоша школьники. Хуй.

И нарисовал мелом две смешные фигурки, домик и солнце...

Он всегда носил с собой в кармане мел. Воровал его в школе.

То ли в шестой, то ли в восьмой комнате мы получили сюрприз. Приоткрыли дверь и сразу услышали стоны. Заглянули.

Посередине комнаты стоял топчан. На топчане лежали двое. Тема лежал на животе. Руки и ноги мальчика были привязаны к ножкам топчана. На Теме лежал мужчина лет сорока пяти. Тот самый «дядька», который заманивал Васю в подвал и дал Теме рубль. Дядька был одетый, а Тема – голый. В полутьме тело Темы серебрилось как рыба...

Дядька как-то странно дергался. Как будто забивал собственным телом гвоздь. Тема жалобно стонал, что, видимо, нравилось лежащему на нем дядьке. Дядька весело хрюкал.

Двое мужчин сидели на ящиках. Третий ящик помещался между ними. На нем стояли три бутылки и свеча. Свеча горела и коптила. Они курили папиросы, пили по очереди из горлышка и играли в бунт засаленными картами с оборванными углами. По стенам прыгали тени.

Мы окаменели.

Видимо кем-то уже просвещенный Вася прошептал мне на ухо: Гляди, дядька Темку сбег.

– Куда?

– Куда-куда... В сраку.

- А разве можно?
- Можно.
- А зачем?
- Ему клево.
- Кому?
- Дядьке.
- А Теме?

Спрашивая это, я не лукавил и не острил. Не понимал того, что происходило у меня перед глазами, но догадывался, что Теме больно.

Что такое больно я уже знал. Месяц назад тетка-хирург в районной поликлинике вскрыла мне застарелый гнойник на ноге, а потом вычистила рану. Стонал я тогда раз в пять громче Темы.

...

Неожиданно в комнату вбежала кошка. Мягко задев нас длинным вертикальным хвостом.

Один из сидевших на ящиках мужчин схватил пустую бутылку и бросил ее в кошку. Не попал. Бутылка с грохотом и звоном разбилась, а кошка злобно мякнула и бросилась вон из комнаты... но запуталась у нас в ногах и вцепилась когтями в жирную голень Васи. Вася заревел как раненый мастодонт.

Я успел улизнуть до того, как другой мужчина втащил ревущего Васю в комнату с топчаном и ящиками. Спрятался в соседней комнате. Затаил дыхание.

Через несколько минут вышел в коридор, подошел к неплотно закрытой двери и заглянул в щелку.

На Теме лежал уже другой мужчина. И дергался также как первый. Каждое движение сопровождал хриплым криком: Ах-блядь, ах-блядь, ах-блядь...

Несколько раз просипел: Как же хорошо, ебитская сила!

Тема уже не стонал, только умолял неестественным надрывным фальцетом: Дядинька, дядинька, не надо, мне больно...

Вася стоял перед другим мужчиной на коленях. Тот держал голову Васи двумя руками и то притягивал ее к себе, то отводил ее от себя.

Страх и любопытство больше не горели у меня в голове. В ней появилась новая звезда. Слепящее фиолетовым светом желание...

Никакого сочувствия Васе и Теме я не ощущал.

...

Вышел из подвала я отягченный новым знанием. Побрел домой. Дома была только бабушка.

Ничего ей не сказал. Потому что знал – за то, что я перешел без спроса Ломоносовский, да еще и лазил в какой-то подвал – меня строго накажут. А если я расскажу про то, что происходило в той комнате, что я подглядывал, потащат в милицию... дойдет и до одноклассников и до учителей... может быть и из школы выгонят.

Никто не узнал о том, что я был тогда в подвале. Вася испытал такой сильный шок, что несколько лет

не говорил. Кажется, родители отвезли его к бабушке, в Ригу, где он дальше и жил.

Бедный Тема умер. Один из насильников, третий по счету, задушил его во время эякуляции. «Чтобы не пищал».

Поймали мерзавцев, оказавшихся заезжими уголовниками из-под Курска, до банальности просто. Когда я уходил из подвала – впопыхах не закрыл за собой дверь. Ту самую, зеленую. Случайно проходивший мимо участковый заметил открытую дверь, заподозрил недоброе... вызвал подкрепление. Преступников задержали.

*****

Второе происшествие, о котором я хочу рассказать, не такое драматическое и жуткое, скорее альковное или даже античное, произошло в душевой бассейна.

В начале второго класса на школьной диспансеризации у меня обнаружили сколиоз.

Искривление позвоночника! Врач сказал моей матери: Возможно, ваш сын станет горбуном.

Пришлось записаться в спортивную школу плавания, ставшую моей первой настоящей школой жизни.

В спорте, как и во всем «советском» – доминировали тупость, насилие и обман. Сильные мальчишки-пловцы задавались, важничали, тех, кто послабее, не

считали за людей, третировали, иногда били. Тренеры мучили всех – и сильных и слабых. Часто грубили детям, орали, унижали. Заставляли одиннадцати-двенадцатилетних детей глотать «витамины», различные таблетки, увеличивающие мышечную массу, ускоряющие рост и заметно улучшающие результаты на соревнованиях. Спортивные врачи проводили над нами непонятные эксперименты, вливали что-то в вены.

Хочу отдать должное плаванию – мой позвоночник стал уже через год тренировок прямым как стрела. Надо было мне тут же послать бассейн и его обитателей куда подальше. Но я был робким ребенком, боялся гнева матери, и тренировался еще пять лет.

Никогда не забуду дистанцию в полтора километра. Плынешь, плывешь, гребешь, гребешь, толкаешь тело вперед, вперед... выдыхаешь в воду... вселенная качается в такт с твоим дыханием, хлорированная вода разъедает глаза, лезет в нос и уши... и ты должен плыть, плыть... Шестьдесят бассейнов. Туда – обратно. Туда – обратно. Каторжный труд. Потом – минута отдыха. А затем еще раз шестьдесят бассейнов.

Умение, стиснув зубы, долго терпеть тяжкое бессмысленное дело, пригодилось мне позже, во взрослой жизни.

...

После плавания – мы мылись в общей душевой.

Обычно даже не намыливались... только стояли, переминаясь с ноги на ногу, под ласкающими струями горячей воды, грелись и отдыхали. Иногда очень подолгу. Домой идти не хотелось. На улице было холодно и грязно, дома многих ждали пьяные злые родители, шум и скандалы коммуналки или, еще хуже, – родители интеллигентные, требовательные, строгие, с амбициями, пунктуально проверявшие домашние задания, следившие за каждым шагом ребенка.

Дольше всех в душевой часто оставался один мальчик с восточной внешностью, Арис, по национальности то ли курд, то ли армянин. Был он года на два меня старше. Дети дразнили его – Ириской. И действительно, что-то было и в его характере и в манере говорить и даже в стиле его брасса – сладкое, тягучее, липкое. При этом он вовсе не был «слабаком» или «чудиком». Прекрасный пловец с фигурой Диадумена Поликлета в миниатюре... настоящий атлет. Воспитанный, спокойный, очень сильный.

Мне Арис нравился, я был бы не против с ним подружиться. Но он не дружил ни с кем.

Я догадывался, что Арис не такой как все, что у него есть какая-то тайна и пытался ее разгадать. Подглядывал за ним. Шпионил. Я еще не знал, что некоторые секреты лучше не раскрывать...

Однажды – я схитрил. Все мальчики, кроме Ариса ушли после душа в раздевалку.

И я ушел. Начал одеваться, не спеша, тянул время... ждал, когда все уйдут домой. А дождавшись – быстро разделся и пошел назад, в душевую. На цыпочках. Не хотел, чтобы Арис меня заметил.

...

Не все тренеры грубили тренирующимся в бассейне детям. Наш постоянный тренер Кагельман вел себя вполне прилично. Только часто вздыхал и разочарованно покачивал головой, глядя на секундомер. Однажды он грустно посмотрел на меня и спросил: Почему ты не растешь? Мало каши ешь?

И дал мне кулек с «витаминами». У меня хватило ума показать кулек маме. Та его, ни слова не говоря, выкинула.

Когда Кагельман заболел гриппом, его заменял тренер Потапчук, самый злой тренер в нашей спортшколе. Он часто грубил и унижал детей. Может быть потому, что пережил в детстве нечто ужасное. Дети рассказывали, что всю его семью будто бы съели соседи-каннибалы во время голода на Украине. И он ненавидел детей и мстил всем, кому мог. Говорили даже, что Потапчук по ночам ловит неосторожно вышедших на улицу детей, тащит к себе домой, жарит и ест.

На тренировках Потапчук орал, жестикулировал, выпучивал глаза как хамелеон, жутко трясся, занкался, плевался, на его некрасивом круглом лице выступали черные и багровые пятна, глаза блестели от гнева.

Дети его побаивались и не любили...

Впрочем, к одному из нас он явно благоволил. Изредка хвалил его. Старался на него не глядеть, чтобы не выдать своих чувств. Но иногда все-таки одаривал его томным взглядом.

Детские глаза замечают все. Однажды кто-то написал на двери шкафчика в раздевалке: Пидарчук плюс Ириска равняется любовь.

Я видел, как вспыхнул Арис, когда увидел эту надпись. Стер надпись своими мокрыми плавками.

...

Когда я размышлял о том, что же «не так» с Арисом, я конечно даже представить себе не мог того, что увидел в душевой.

Чувствовал себя Натом Пинкертоном. Крался по длинному влажному коридору.

Вдруг услышал негромкий разговор.

Сжался как камень и осторожно, в полглаза, выглянул из-за стены.

Увидел две голые атлетические фигуры. Это были – тренер Потапчук и Арис.

Тренер мыл мальчика и что-то ему рассказывал. Кажется про прошедшую тренировку.

Тер ему бока, бедра, руки и спину намыленной поролоновой лапой. Арис то и дело хохотал. До меня долетело: А потом этот жирный боров...

Затем Арис тер мочалкой волосатое, мускулистое, без единой жиринки, тело тренера. Особенно

долго мыл его ядерные ягодицы, похожие на ягодицы Геркулеса.

Потом они начали тереться друг о друга спинами, животами и задами...

Как котики или морские львы.

Я не мог не заметить, как преобразился Потапчук, — он дрожал, сиял, лицо его как будто светилось. Он был красив так, как наверное были красивы титаны...

Я испугался, потому что почувствовал, что мой член встает. В голове моей прыгали воздушные гимнасты с бенгальскими огнями в руках. Вождение победило отвращение. Под плавками бушевал пожар.

Любовники обнялись и страстно поцеловались.

Потапчук встал на колени и взял в рот член Ариса. Мальчик закрыл глаза и запрокинул голову.

В этот момент я поскользнулся на брошенном кем-то обмылке и чуть не упал. Подвернул лодыжку и обмер от неожиданно сильной боли. Прижался к влажной теплой стене душевой и зажал рот ладонью, чтобы не закричать.

...

Хитрость моя закончилась в травпункте. Я растянул связки и должен был четыре недели терпеть гипс на ноге. Не беда. Плавать не надо.

Свидания в душевой не остались без последствий для тренера и его любимца.

Я-то помалкивал, работал над собой, пытался переварить новый жизненный опыт и найти свое место в мире, который оказался не таким, каким я его себе представлял, но существовали, видимо, и другие очевидцы душевых наслаждений Геркулеса и Диадумена, люди практичные и инициативные, «защитники морального облика строителя коммунизма». Формулируя проще – завистники и доносчики. Они постарались испортить жизнь мальчику и его тренеру. И преуспели в своем рвении. В этом им помогла так называемая социалистическая общественность, которой больше всего нравилось выявлять, находить и карать всяческих врагов.

В начале нового учебного года Арис не пришел на тренировку. Я догадывался почему, а остальные пловцы нашей группы только гадали и рассказывали всякие небылицы. Говорили, что он с родителями уехал в Израиль, хотя Арис евреем не был. Со времени окончания Шестидневной Войны прошло только несколько месяцев. Тема эта была тогда свежей и острой, как ахматовские устрицы... и опасной. Одно упоминание того, что кто-то оказывается собирается «уехать из СССР» действовало на многих заскорузлых совков, недавних сталинцев – как красная тряпка на быка. Это как так «уехать»? И «крать там от пуза»? А мы что, хуже его? Сволочь!

Некоторые дети, помнится, вслух мечтали о том, чтобы «наконец поставить проклятых жидов к стенке».

Конец гаданиям положило общее собрание спортшколы, на которое заставили прийти не только нас, спортсменов, но и наших родителей. Стыдно вспоминать это гнусное советское мероприятие. Нам объявили, что не присутствующий на собрании Арис Пелеван отчислен из школы за поведение, недостойное советского пионера, который должен «жить, учиться и работать как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия»...

После этого «громили» несчастного Потапчука, который на собрании присутствовал. Сидел, опустив голову, трясся и вытирал лицо носовым платком. Униженный, побитый Геркулес.

Выступали коллеги, несколько спортсменов из «группы олимпийского резерва», профсоюзные и партийные функционеры из района. Обвиняли Потапчука во всех смертных грехах... во всех, кроме любви к тринадцатилетнему мальчику. Единственным, кто сказал несколько слов в его защиту, был Кагельман. Он призывал «карать не слишком строго», вспомнил о том, что Потапчук воевал, был два раза контужен и ранен, имеет ордена и медали, воспитал несколько мастеров спорта...

Председатель собрания, рекордсмен России или Узбекистана в сороковые годы, так прокомментировал его выступление: Помним, помним, если бы не помнили, пахал бы ваш Потапчук уже на лесоповале.

Самым ужасным для меня было покаянное выступление самого Потапчука. Мне было жалко этого человека. Я простил ему грубость и унижения на тренировках.

Сорокапятилетний тренер просил прощения у коллег по работе, которых он «подвел», у учеников спортшколы, у которых он «пытался отнять будущее» и у профкома... и у парткома...

Слушать его было невыносимо.

В конце выступления Потапчуку стало плохо, он схватился за голову, страшно выпучил глаза, затрясся и рухнул на пол.

В бассейне его больше не видели.